

УДК 323.11(477.75):2

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЗОНАНСНЫХ СЛУЧАЕВ ВАНДАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ

Швец А.Б., Яковлев А.Н.

*Таврический национальный университет им. В.И.Вернадского, Симферополь, Украина,
e-mail:alexandra-crimea@ukr.net*

Анализируются причины и факты появления вандализма в постсоветский Крым. Выявляются особенности идеологического вандализма в автономии. Приводятся примеры региональных случаев вандализма на полуострове.

Ключевые слова: география, вандализм.

ВВЕДЕНИЕ

Постановка проблемы. Поиск географических аспектов в изучении социокультурных конфликтов современного общества – одна из нерешенных проблем в отечественной социально-экономической географии. Между тем *социокультурные конфликты* – это типологически цельная группа проявлений конфронтационного поведения, в основе которого оказывается противостояние одной совокупности потребностей, интересов и ценностей, другой, противоположной системе. В социокультурных конфликтах затруднен поиск причин столкновения противоборствующих сторон. В них трудно классифицировать противоборствующие стороны как «позитивные» и «негативные». Любая из конфликтующих сторон защищает «свою» систему ценностей в противоборстве с «иной», нередко навязанной ей властной элитой того общества, в которой возникает конфликт. Среди проявлений социокультурной конфликтности географы наименее продвинулись в исследовании вандализма. Между тем, именно вандализм способен стать одним из факторов дестабилизации межэтнических и межконфессиональных отношений в обществе.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Термин «вандализм» происходит от названия древнегерманского племени вандалов, разграбившего в 455 г. Рим и уничтожившего при этом многие памятники античной и христианской культуры. Вандалы отличались не просто особой жестокостью, но и крайне унижительными способами разрушения святынь. В научный обиход термин «вандализм» вошел в XIX в. как обозначение разрушения или порчи произведений искусства и памятников архитектуры. Большой энциклопедический словарь определяет вандализм как «бессмысленное уничтожение культурных и материальных ценностей» [1, с.178].

В такой широкой постановке термин «вандализм» стал объектом исследования в психологии и социологии. Эти науки изучают вандализм как одну из форм разрушительного поведения человека. В последние годы термином «вандализм» стали именовать повседневные проявления хулиганства. Вандализмом обозначают порчу общественной, частной, коммунальной собственности, поломку оборудования в учебных заведениях, на транспорте, нанесение рисунков и надписей на стены и т.п. [2].

У вандализма естественная природа, связанная с изначально присущей людям агрессивностью. Эта агрессивность или «априорный инстинкт борьбы всех со всеми» заложен животной природой человека, вышедшего в борьбе с окружающей средой победителем, в сравнении, с другими видами животных [3]. Врожденная агрессивность является источником возникновения и развития конфликтов в обществе.

Как проявление конфликтного поведения людей вандализм может приобрести *намеренную* или *ненамеренную* формы. Так, например, замусоривание улиц, грубое обращение с телефонными будками, вытаптывание газонов, порча паркового имущества и др. – это варианты ненамеренного разрушения или такого поведения людей, которые не осознают последствий своих поступков, не ощущают ответственности за них. На практике провести различие между намеренными и ненамеренными разрушениями довольно сложно, поскольку обе формы вандализма имеют одинаковый результат – материальный ущерб, деградацию окружающей среды и моральный вред для общества.

Но если результаты вандализма используются для достижения корыстных целей, в том числе политических, то такой вариант поведения трудно считать только *девиантным* (отклоняющимся от нормы) или ненамеренным. У носителей намеренного вандализма всегда имеется цель: усилить элемент конфликтности в общественном сознании и на этом фоне добиться осуществления своих приоритетов.

В последние годы появился ряд публикаций социологов и психологов, которые выявляют природу, мотивированность и общественную опасность намеренного вандализма. Подробный анализ этих публикаций приводит в своей статье А.С. Скороходова [2]. Вандализм рассматривается этим автором как изошрённая форма мщения: боль причиняется острая, но контакта с противником нет. Кроме того, описывается вандализм как игра. Такое времяпрепровождение часто имеет характер соревнования, к примеру, кто больше надгробий повалит на кладбище. Кроме того, кладбищенские забавы подростков, по мнению психологов, могут рассматриваться как экзистенциальное исследование. Проверяется возможность своего влияния на общество. При этом вандалами движет комплекс Герострата, который сжег прекрасный храм, чтобы навсегда остаться в истории. Но это иллюзорные надежды – ведь вандалов развелось в настоящее время слишком много – всех не упомнишь.

Среди научных работ, исследующих региональные проявления вандализма, крымский регион представлен фрагментарно, в основном, в работах историков [4; 5], которые тему вандализма специально не рассматривают, а включают её в качестве сопутствующего материала в своих исследованиях. Крымским географам тема пространственных аспектов вандализма практически неизвестна. Приходится

констатировать отсутствие общей психологической теории вандализма, которая объединяла бы феноменологию этого поведения, его биологическую и социальную природу, классификацию вандального поведения, рекомендации по его профилактике и коррекции [6].

Целью работы является выявление региональных особенностей проявления вандализма в политизированной среде современного Крыма.

Среди причин появления вандализма исследователи чаще всего называют порочную окружающую действительность государств, находящихся в состоянии экономического кризиса. А намеренный вандализм тесно связан с усилением политизации общества. Когда человек подчиняет личные интересы политической борьбе по принципу «только мои идеологические принципы лучшие, и они должны победить», наступает благоприятный момент для появления любых, в том числе вандальных, действий. В таких случаях проявления вандализма можно рассматривать как вариант намеренной (осознанной) борьбы ради достижения явных или скрытых целей. Социологи называют подобный вандализм *идеологическим* или *политически мотивированным*.

Яркие примеры политически мотивированного вандализма можно наблюдать в практике Верховной Рады Украины. Здесь в моменты патового противостояния различных фракций применяются методики поведения вандалов. В числе этих методик блокирование трибуны, поломка микрофонов (стоимость одного микрофона в Верховной Раде Украины достигает 6000 грн.), заливание клеем щелей, предназначенных для аккредитации карточек народных депутатов, заталкивание в эти же щели посторонних предметов, обесточивание здания парламента, отключение компьютерной системы голосования и др. [7]. Результатом такого поведения народных избранников всегда является принятие или непринятие какого-либо решения. Так в апреле 2010 г. ратификация соглашения о продлении пребывания в Украине Черноморского флота Российской Федерации до 2042 г. сопровождалась особо жесткими методами идеологического вандализма. В сессионном зале Верховной Рады Украины применялись дымовые шашки, метание яиц в спикера и всех, кто находился рядом, а также безжалостный разрыв в ключья национального флага.

Политически мотивированный или идеологический вандализм имеет место в Крыму. Здесь он проявляется в осквернении захоронений (мусульманских, православных, иудейских) и памятников истории, в появлении оскорбительных для отдельных этносов Крыма надписей на стенах, памятниках, культовых объектах.

Количественные оценки вандализма в полиэтничном обществе современного Крыма затруднены по ряду обстоятельств. Случаи вандализма не фиксируются официальной статистикой. О пространственном распространении этого явления можно судить лишь по сообщениям средств массовой информации или милицейским сводкам, носящим большей частью закрытый характер. Но и эти источники информации отражают лишь *резонансные* проявления вандализма, т.е. такие случаи девиантного поведения, которые в определенной степени могут негативно отразиться на отношениях между тюркским и славянским сегментами крымского общества. Анализ резонансных проявлений вандализма в силу своей информационной усеченности может создать у

исследователя неверное представление о том, что в Крыму вандализм направлен лишь против крымских татар.

Но официальные данные руководства крымской милиции, предоставленные в комиссию Верховной Рады АРК по вопросам межнациональных отношений и проблемам депортированных граждан, не подтверждают мысль о доминировании антитатарских актов вандализма над иными. На это указывает крымский политолог Н.В. Киселева [8]. За последние годы на территории автономии зарегистрирован 401 факт вандализма на мусульманских, христианских и др. кладбищах. Причем, в 2006 г. милиция зарегистрировала 69 погромов на кладбищах, из них лишь один на мусульманском; в 2007 г. случаи вандализма участились: их было 235, в том числе три на мусульманских кладбищах; с начала 2008 г. органами внутренних дел зафиксировано 97 кладбищенских преступлений, из которых четыре на мусульманских кладбищах.

Конечно, за сухими цифрами отсчета фактов кладбищенского вандализма не определяется степень отчаяния родственников тех, чьи могилы были разрушены варварами. Крымский историк В.Гуркович называет такие деяния «дико безродным вандализмом» [4], поскольку отчаяние, возникающее в результате варварства, не имеет этнической или конфессиональной окраски.

В период с 2006 по 2010 г.г. на территории автономии существенно увеличилось количество случаев вандализма, составив треть от общего числа межэтноконфессиональных противоречий рассматриваемого этапа. Проявления вандализма характеризовались в Крыму периодическим характером, повторяясь в отдельных местах неоднократно. К числу таких рецидивных случаев можно отнести осквернение памятника крымскотатарскому поэту и тюркологу Бекиру Чобан-Заде в г.Белогорск, отмеченное в 2006 г. и повторившееся в 2007 г. Неоднократно осквернялся памятный знак депортированным народам в районе парка Салгирка в Симферополе.

В своем исследовании мы относили к вандализму только те случаи, в результате которых, тем или иным образом были осквернены объекты культового или мемориального значения, несущие ярко выраженную этническую сакральность (мечети, храмы, кладбища православные и мусульманские). По критерию направленности на разрушение этнически сакральных объектов нами был выделен т.н. кладбищенский вандализм – явление, зародившееся в девяностые годы XX века, принявшее особенно жесткие формы в Крыму с 2007 г. и не потерявшее актуальности до настоящего момента. Разгул кладбищенского вандализма отмечен на полуострове в 2007 – 2008 г.г. Летом 2007 г. были совершены акты вандализма на мусульманских кладбищах в с. Софиевка Симферопольского района и в п.Крымская Роза Белогорского района. В начале 2008 г. прокатились погромы на мусульманских кладбищах села Уваровка Нижнегорского района (разрушено более 250 надгробий, частично разбит забор и убита сторожевая собака) и п.Чистенькая (разрушено 39 надгробных плит, на заборе кладбища обнаружены нанесенные краской надписи, оскорбляющие национальное достоинство крымских татар). В этом же году были осквернены хулиганскими надписями мечети в с.Октябрьское Первомайского района и г. Белогорск. Разрушению подвергалось православное кладбище в селе Войково Ленинского района (разрушено 124 надгробия). Православное, а также

мусульманское кладбище в с.Марфовка Ленинского района были осквернены рисунками сатанистского характера.

В заявлении Президиума Меджлиса крымскотатарского народа в связи с беспрецедентным актом вандализма, совершённым на мусульманском кладбище в с. Уваровка Нижнегорского района, всколыхнувшем не только общественность полуострова, но и украинские, и европейские СМИ, было отмечено, что подобные действия следует рассматривать «как целенаправленную спецоперацию, против гражданского мира и согласия в обществе», поскольку один-два вандала не могли причинить такой объем разрушений [9]. Поле конфликта усиливалось также неподтвержденными заявлениями отдельных представителей крымскотатарского национального движения о причастности к вандализму на кладбищах т.н. «скинхедов», а возможно, и представителей крымского казачества.

Оценка кладбищенского вандализма представителями крымской милиции, высказанная через год после событий в Уваровке, несколько расширяет представление о сущности этого явления. По мнению представителей правоохранительных органов Крыма, акты вандализма на кладбищах автономии совершаются в основном в корыстных целях [10]. Возможно, именно по этой причине в СМИ не попадают нерезонансные, но многочисленные уголовные дела, связанные с «демонтажем металлических оградок, столов, табличек» на православных кладбищах автономии «с целью последующей их реализации в металлоприемных пунктах». Корыстный вандализм на кладбищах – это «будничней», хоть и не менее горестный, вариант кладбищенского вандализма. Замалчивание этого варианта действий современных вандалов поддерживают в общественном сознании мифологему о том, что все акты кладбищенского вандализма в Крыму происходят только в местах погребения мусульман.

Локализация вандализма в Крыму не подчиняется какой-либо пространственной закономерности. Вандалы орудуют во всех районах Крыма, появляясь несколько чаще в сельской местности, по сравнению с городской (рис. 1). Возможно, в сельской местности больше неохранных объектов, привлекающих современных вандалов. Городской вандализм имеет преимущественную прописку в крымской столице. Возможно, одной из причин симферопольского укоренения вандализма является социальный состав преступников, совершающих акты надругательства над памятными местами. Чаще всего, он представлен учащимися вечерних школ или профтехучилищ [11], количество и видовой состав которых бывает наиболее широким в больших городах. Расширение подростковой составляющей в проявлениях вандализма отмечают и российские юристы, которые ссылаясь на годовые сводки МВД Российской Федерации, считают, что пик вандализма приходится на 16-17 летний возраст [6].

Повсеместность распространения вандализма в Крыму свидетельствует об укоренении этого явления в социальной психологии крымчан как «допустимого», нетабуированного и, самое главное, безнаказанного. Так, например, надругательство над памятью отошедших в мир иной не относится украинским законодательством к тяжким преступлениям и чаще всего классифицируется органами внутренних дел как хулиганство.

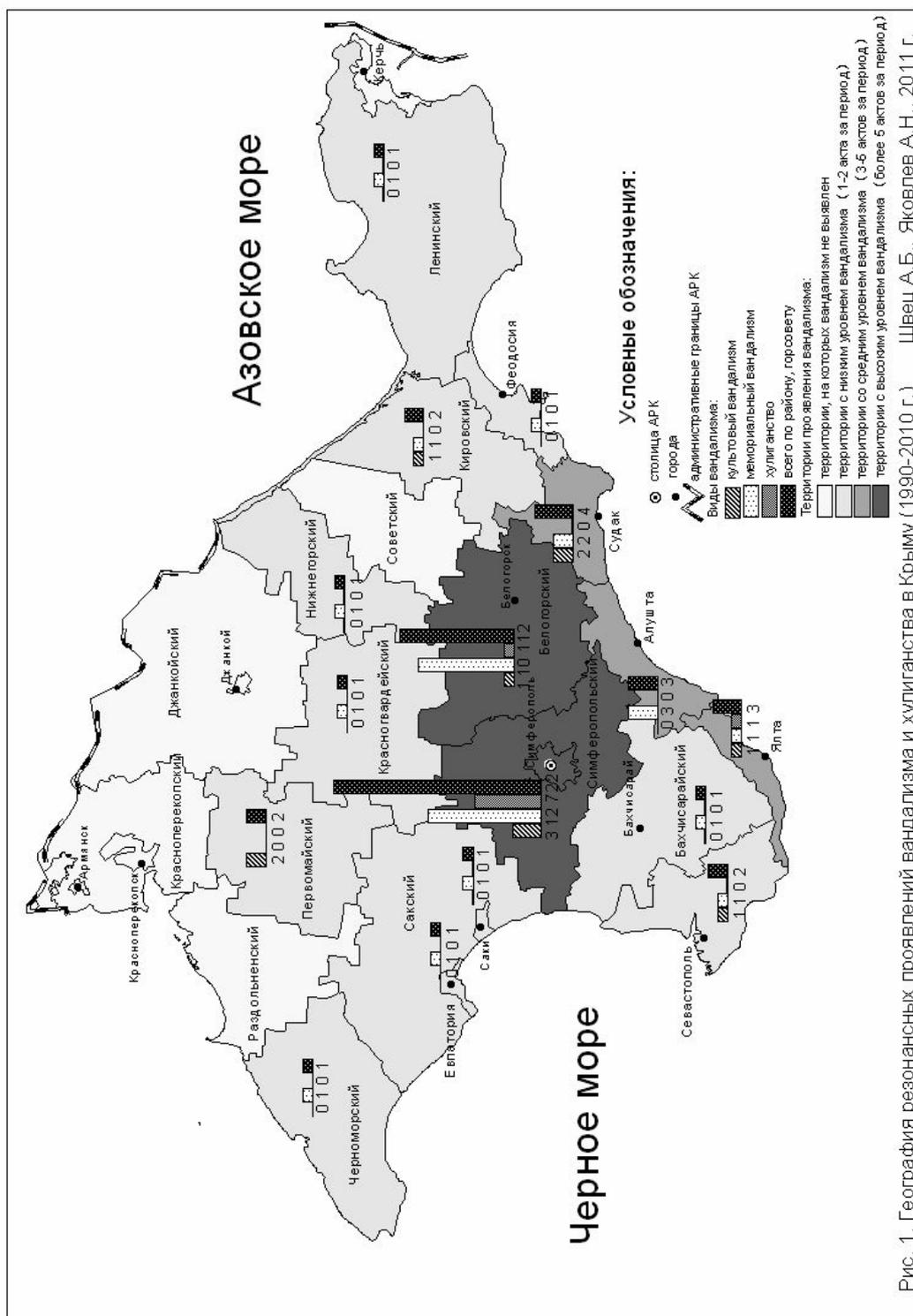

Рис. 1. География резонансных проявлений вандализма и хулиганства в Крыму (1990-2010 г.) Швец А.Б., Яковлев А.Н., 2011 г.

Отличие вандализма от хулиганства в том, что при действиях, квалифицируемых как вандализм, происходит нарушение общественной нравственности и эстетико-культурной среды жизни людей. Но в этих действиях нет нарушения общественного порядка, т.е. отношений между людьми и правил их взаимного поведения. Раскрываемость вандализма – самая низкая среди других учитываемых видов преступлений [12]. Следует также иметь ввиду некоторые особенности современного вандализма, которые затрудняют борьбу с ним: нередко групповой характер, высокая латентность, внезапность, непредсказуемость, быстрота и оперативность действий, выбор бесконтрольных объектов, бездумность.

Причины появления актов вандализма в постсоветском Крыму имеют разную природу: политическую, экономическую, криминальную. Проблема связана и с социальным расслоением, и с утратой традиционных ценностей, и с проблемами воспитания молодежи, и с тем, что из нашего общественного сознания так и не исчез образ врага, который идеологически подпитывает вандалов. Некоторые крымские эксперты находят точку отсчета преступлений вандалов в конфессиональной разобщенности, которая возникла на полуострове в канун ознаменования 2000-летия Рождества Христова. Речь идет о провокационных акциях по уничтожению Поклонных крестов, воздвигаемых Крымской епархией Украинской православной церкви вблизи населенных пунктов Крыма. Эти акции прокатились по автономии в октябре – ноябре 2000 г. Первые две акции были проведены в отдаленных друг от друга регионах полуострова – под Севастополем и в селе Морском Судакского горсовета. Затем был спилен и увезен в неизвестном направлении крест, установленный при въезде в районный центр Кировское, где накануне преступники разрушили могилы на мусульманском кладбище.

Нам представляется, что акты вандализма в Крыму стали возможными в результате усложнения политической реальности на территории бывшего Советского Союза последовавшее после его развала. Реакция власти на местах была стандартной – подавить, запретить, не позволить новой реальности прижиться в обществе. Но маховик разгрома советских ценностей уже был запущен, и остановить его было непросто. Для Крыма показательными действиями власти, выявившими её неспособность изменить реалии новой, постсоветской действительности, стали события, последовавшие после разгрома крымскотатарских самостроев в местечке Красный Рай под Алуштой. Результатом этого разгрома стало пикетирование крымскими татарами зданий прокуратуры, попытка захвата ими парламента автономии, судакско-феодосийские поджоги со стрельбой в 1995 г., захват в заложники начальника Феодосийской милиции, которого сторонники Меджлиса облили бензином и водили как «живой щит» – все эти события стали индикатором новой, криминализованной действительности в Крыму, положившей отсчет безнаказанности для разнообразных вандалов.

Неотъемлемым элементом постсоветской реальности в Крыму является межэтническое напряжение. Оно возникло и зафиксировано крымскими социологами, начиная с 1994 г. К этому времени произошло радикальное изменение позиции славянского населения к репатриации и репатриантам, в основном крымским татарам. Если в 1990-1991 гг. более двух третей крымских жителей, по

данным различных соцопросов, приветствовало репатриацию как акт исторической справедливости, то с 1994 г. более семидесяти процентов населения Крыма полагало, что в автономии имеются межнациональные проблемы, и они лежат в двух плоскостях: «крымские татары – остальное население» и «насильственная украинизация – сохранение русскоязычия».

В марте 2010 г. лидер крымскотатарского Меджлиса М.Джемилев, выступая в Европарламенте с докладом о положении его соотечественников в Крыму, еще раз подтвердил наличие межнациональной напряженности в автономии. По словам М. Джемилева, примерно семьдесят процентов русскоязычных жителей Крыма «вполне оправдывают» депортацию, причем, «довольно значительный процент этих же людей считает, что крымских татар следовало бы выселить из Крыма повторно» [13].

Заметим, что лидер Меджлиса крымскотатарского народа не видит перспектив снижения межнациональной напряженности в Крыму. Причину этого он находит в разнонаправленности политических идеологий крымских татар и «послевоенных переселенцев», как часто в своих выступлениях М.Джемилев называет некрымскотатарское население автономии. «Крымские татары, – замечает М.Джемилев, – в настоящее время являются политическими оппонентами большинства населения Крыма...», поскольку у них «...совершенно противоположное видение будущего Крымского полуострова» [14]. Следствием такой разобщенности в крымском этно-политическом сообществе, по мнению крымскотатарского лидера, стали часто совершающиеся акты вандализма в отношении мечетей, кладбищ, памятников жертвам депортации крымских татар, офисов Меджлиса и т.п. М.Джемилев считает, что все эти акты вандализма, как правило, остаются безнаказанными, «поскольку в руководстве правоохранительных органов зачастую находятся люди, взгляды которых в отношении крымских татар не многим отличаются от взглядов тех, кто совершает эти преступления» [14]. Статистика Главного управления МВД в АРК несколько иначе трактует степень раскрываемости преступлений, связанных с вандализмом. Так в течение 2006-2007 гг. из четырех фактов вандализма на мусульманских кладбищах, нераскрытым остался только один, в то же время на христианских кладбищах ожидали раскрытия сорок пять преступлений [8]. Отметим также, что по факту вандализма на мусульманских кладбищах в селе Чистенькое и посёлке Уваровка Нижнегорского района было выделено 299 тыс. гривен из бюджета автономии. Примеры государственного финансирования христианских мест упокоения, пострадавших от рук вандалов в Крыму, нам не известны.

ВЫВОДЫ

Проблема вандализма в Крыму требует пристального внимания исследователей различных направлений науки. Она служит своеобразным индикатором состояния межнациональных отношений. Отсутствует классификация последствий действия вандалов в регионе. В настоящее время можно с уверенностью вести разговор лишь об идеологическом или политически мотивированном вандализме, имеющем широкое распространение во всех административных единицах Крыма. Вандализм

трудно разграничивается с хулиганством. Вандализм в Крыму не носит этнически ориентированного характера. Акты вандализма фиксируются как на мусульманских, так и на христианских святынях. Существует лишь разница в том, как и с какой целью, трактуются факты вандализма различными политическими силами автономии. В этом отношении показательна позиция Меджлиса крымскотатарского народа как представителя политической оппозиции русскоязычному населению Крыма. Меджлис крымскотатарского народа позиционирует своих соплеменников как основную жертву вандалов. Это верно лишь отчасти, поскольку другие народы Крыма официально не используют антивандальную риторику для создания образа жертвы шовинизма или криминалитета. Образ жертвы стал идеологической основой взаимоотношений Меджлиса крымскотатарского народа с официальными органами власти Украины и международными организациями. Этот образ культивирует агрессию в среде крымских татар, захватывающих землю под самострой или перекрывающих дороги для проведения политических акций. Образ жертвы легко примеряют и русскоязычные жители полуострова, стремящиеся доказать своим политическим оппонентам из числа крымских татар, что и они способны на самоорганизацию в защиту своих имущественных или иных человеческих прав.

Список литературы

1. Большой энциклопедический словарь / [глав.ред. А.М.Прохоров]. – 2-е изд., перераб и доп. – М.: «Большая Российская энциклопедия», СПб.: «Норинт», 2000. – 1456 с.
2. Скороходова А.С. Вандализм [Электронный ресурс] / А.С.Скороходова // Социологический журнал. – 1999. – № 3-4. – Режим доступа к журналу: <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99step.html>
3. Степаненкова В.М. «Борьба всех за всех». Теория конфликта Георга Зиммеля [Электронный ресурс] / В.М.Степаненкова // Социологический журнал. – 1999. – № 3-4. – Режим доступа к журналу: <http://www.nir.ru/socio/scipubl/sj/sj3-4-99step.html>
4. Владимир Гуркович – против татарских экстремистов. Письмо в «Московский комсомолец» [Электронный ресурс] / В.Гуркович. – Режим доступа к ресурсу: <http://kro-krim.narod.ru/PUBLIK/KRIM/gurkovi.htm>
5. Червонная С.М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни) в Крыму [Электронный ресурс] / С.М.Червонная // Татарская археология. – 1997. – №1. – Режим доступа к ресурсу: <http://tashlar.narod.ru/text/chervonnaya-qrim.htm>
6. Ватова Л.С. Психологические причины и условия возникновения подросткового вандализма: дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Ватова Людмила Сергеевна. – Калуга, 2000. – 195 с.
7. Убить Раду: методы и приемы срыва заседаний [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://news.liga.net/articles/NA100151.html>. – 10.01.2010.
8. Киселева Н. Виктим не предлагать или преступная политика меджлиса [Электронный ресурс] / Наталья Киселева // Крымская правда. – 2008. – 18 июля. – Режим доступа к ресурсу: http://www.kp.crimea.ua/news_details.php?news_type_id=1&news_id=4333. – 15.06.2010.
9. Амет Акъыллы Вандализм как провакация [Электронный ресурс] /Амет Акъыллы. – Режим доступа к ресурсу: <http://medeniye.org/ru/node/277>. – 3.12.2010.
10. В Крыму акты вандализма на кладбищах в основном совершают в корыстных целях, – заявляют в милиции [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: http://ic.vc/novosti/obszestvo/v_krymu_akty_vandalizma_na_kladbyszah_v_osnovnom_overshayut_v_korystnyh_celyah_zayavlyayut_v_milicii.html. – 11.02.2011.
11. Скинхеды в Крыму: обзор крымских еженедельников (1.02.2008) [Электронный ресурс]. – Режим доступа к ресурсу: <http://www.aq-media.info/node/2200>. – 11.02.2011

**НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ РЕЗОНАНСНЫХ
СЛУЧАЕВ ВАНДАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ КРЫМУ**

12. Бандурка А.М. Вандализм /А.М.Бандурка, А.Ф.Зелинский. – Харьков: Ун-т внутренних дел. – 1996. – 198 с.
13. Доклад председателя Межлиса крымскотатарского народа Мустафы Джемилева в Европарламенте. Брюссель, 17 марта 2010 г. [Электронный ресурс] /М.Джемилев. – Авдет. – 2010. – 17 марта: Режим доступа к ресурсу: <http://www.avdet.org/node/1138>. – 5.01.2011.
14. Доклад председателя Межлиса крымскотатарского народа на Всемирном конгрессе крымских татар. Симферополь, 19 мая 2009 г. [Электронный ресурс] /М.Джемилев. – Режим доступа к ресурсу: http://kirimtatar.com/index.php?option=com_content&task=view&id=350&Itemid=391. – 5.01.2011.

Швец О. Б., Яковлев А. М. Деякі особливості географічного вивчення резонансних випадків вандалізму в сучасному Криму / О. Б. Швец, А. М. Яковлев // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Серія: Географія. – 2011. – Т.24 (63), №1. – С.267-276.

Аналізуються причини і факти появи вандалізму в пострадянському Криму. З'ясовуються особливості ідеологічного вандалізму в автономії. Наводяться приклади регіональних випадків вандалізму на півострові.

Ключові слова: географія, вандалізм.

Shvets A. B., Yakovlev A. N. Some features of geographical study of resonance cases of vandalism in modern Crimea / A. B. Shvets, A. N. Yakovlev // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. – Series: Geography. – 2011. – V.24 (63), No1. – P.267-276.

The reasons and facts of the appearance of the vandalism are analysed in postsovetskiy Crimea. The particularities of ideological vandalism turn out in an autonomy. Happen to the examples of the regional events of the vandalism on a peninsula.

Key words: geography, vandalism.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.